

Третий в информационных спорах

*На вопросы журнала отвечает председатель Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации доктор юридических наук, профессор АНАТОЛИЙ ВЕНГЕРОВ **

«ОНС» Анатолий Борисович, только что образованная Судебная палата по информационным спорам стала преемницей Третейского информационного суда, который вы возглавляли. Какую цель преследовало его создание?

А. В. Указ Президента РФ о Третейском информационном суде был издан 29 октября 1993 года — накануне предвыборной кампании. Это были первые в нашей стране свободные плюралистические выборы, в которых участвовали кандидаты в депутаты и избирательные объединения самой разной политической направленности. Естественно, донести до избирателей свои политические платформы, изложить свои взгляды они могли только через средства массовой информации. И обязанностью Президента было обеспечить им равный доступ к СМИ, равные возможности использовать эти средства в избирательной кампании.

А у нас в стране, как известно, эти средства, в первую очередь телевидение, в очень большой степени монополизированы государством. Да и со средствами массовой информации другого плана — радио, печатью — тоже не все просто. Эфирное время, время вещания нерастяжимо. Как же было вместить те тринадцать объединений, то огромное количество кандидатов в депутаты в это информационное время?

Распределить это время при определенных ограничениях эфира и вообще, так сказать, информационного пространства можно было, только предприняв специальные законодательные и организационные меры. И Президент, для того чтобы обеспечить подлинный плюрализм в избирательной кампании, обеспечить впервые проведение свободных демократических выборов, принял соответствующее Положение об информационных гарантиях для участников избирательной кампании 1993 года. Огромный раздел в этом Положении заняли вопросы предвыборной агитации, порядка распределения времени в эфире. И, конечно, встал вопрос: а кто же может гарантировать такого рода деятельность и свободную предвыборную агитацию? Если поручить это обычным судам, то, не говоря уже о проблемах компетенции, специальных знаний о непростой деятельности СМИ, возникает вопрос сроков: обычный суд, возможно, рассмотрел бы жалобу кандидата в депутаты как раз к концу избирательной кампании.

Надо было создать такой орган, который, во-первых, действительно обладал бы полномочиями рассматривать споры, во-вторых, рассматривал бы их оперативно, в-третьих — компетентно, в-четвертых — независимо, в-пятых, смог бы занимать позицию примирения, умиротворения, не доводить дело до конфликта.

Видимо, такой необычный социальный заказ, особая ситуация накануне выборов 12 декабря и вызвали необходимость создать Третейский информационный

* Интервью записано 30 января 1994 года.

суд. Конечно, с точки зрения строгой юридической науки он не совсем третейский, не совсем информационный и не совсем суд. Но тем не менее он выполнил свою задачу как инструмент разрешения споров, и именно информационных, и именно в качестве третейского суда, потому что многие вопросы решались путем примирения сторон с помощью переговоров. Причем это не было «телефонное право» в одиозном смысле, это были просто оперативные способы решения споров.

И последнее. Указ о Третейском информационном суде, изданный Президентом, был, конечно, связан с необходимостью обеспечить информационные права граждан. Избиратели — зрители, читатели, слушатели — вот главные адресаты, именно им надо было обеспечить поступление объективной, достоверной и своевременной информации. Речь шла о правах граждан, о демократии.

«ОНС» Анатолий Борисович, у нас в стране есть Закон о средствах массовой информации, в котором, казалось бы, должно быть предусмотрено все, что касается информационных прав граждан. Не является ли создание Третейского информационного суда следствием того, что в этом законе обнаружились какие-то пробелы, несовершенства?

А. В. В ряде случаев Третейский информационный суд руководствовался именно этим законом (например, когда требовалось определить, что такое журналист, что такое редакция, что такое средства массовой информации, какими правами они обладают и чего они делать не должны и т. д.).

Однако совершенно очевидно, что имеющийся Закон о СМИ ориентирован не на плюралистические процессы, не на свободные выборы; это все-таки документ первоначального этапа демократического развития России, а Третейский информационный суд в этом смысле являлся новым, самым молодым институтом демократии в нашей стране. Он существовал два месяца и оказался очень эффективным. Мы сейчас подготовили отчет о его работе, и я могу из него привести довольно любопытные цифры.

За два месяца практической работы к нам поступило 157 заявлений, жалоб, обращений; всевозможные иностранные делегации являлись посмотреть, как у нас обеспечивается демократизм выборов. Мы рассматривали жалобы на деятельность телерадиокомпаний, редакций периодических печатных изданий, журналистов по освещению избирательной кампании; давали по своей инициативе и по запросам разъяснения, как применять положение о выборах депутатов Государственной Думы и Совета Федерации; суд по своей инициативе и по запросам и жалобам принимал и направлял рекомендации средствам массовой информации, избирательным комиссиям, кандидатам. Мы удовлетворили 38 жалоб, среди которых были жалобы на нарушение прав кандидатов в депутаты, избирательных объединений на бесплатные и платные выступления по телевидению и радио; вторая группа жалоб — о материалах, которые содержали высказывания, наносящие ущерб чести и достоинству кандидатов в депутаты; третья группа — от работников средств массовой информации на попытки препятствовать их деятельности в связи с освещением избирательной кампании, на необоснованные претензии к ним местных властей. Кроме того, были случаи предпочтения и поддержки кандидатов в депутаты и избирательных объединений со стороны СМИ, со стороны государственных органов и некоторых должностных лиц, что не допускалось. Мы рассматривали дела о нарушении некоторыми СМИ запрета на публикацию результатов опросов общественного мнения, связанных с выборами, о допущенных СМИ накануне и в день выборов нарушениях порядка проведения референдума. Были вынесены положительные решения и по многим другим обращениям в суд.

«ОНС» Третейский информационный суд выступал третьей стороной в спорах между двумя другими. Одна из этих сторон — элементы нарождающегося гражданского общества в лице избирательных объединений и кандидатов в депутаты.

а вторая — государство, монополизировавшее СМИ. Но ведь Третейский информационный суд — тоже государственное образование, так чем же гарантировалась его беспристрастность?

А. В. Третейский информационный суд возник как раз на общественных началах. В него были включены 9 человек, которые не участвовали ни в какой политической деятельности, были независимы и компетентны по роду своей деятельности. В отличие от обычных судов в состав Третейского информационного суда входили журналисты, телережиссер, т. е. лица, не связанные непосредственно с государственной службой, и юристы, не состоящие в государственных органах...

«ОНС» Ну да, например, вы — заведующий кафедрой в Московском юридическом институте...

А. В. ... Были там и юристы-слушатели Школы права СМИ (у нас возникает целая новая отрасль права!), и другие независимые юристы.

Но вот что я хотел бы особо подчеркнуть. Президент стал на позицию гаранта обеспечения политического плюрализма в избирательной кампании. Он в этом смысле объявил себя фигурой, независимой от тех или иных политических влияний. И он учреждает такой суд, который обеспечил бы эту функцию главы государства — арбитра, гаранта конституционных прав и свобод граждан. Поэтому ставить вопрос так: раз суд образован Президентом, значит он зависим — неверно по определению. Потому что, если Президент независим, если он установил именно такой порядок информационных гарантий, то ясно, что и созданный им с этой целью орган тоже независим. И при рассмотрении жалоб и урегулировании споров мы действительно не взирали на то, какой политической ориентации придерживается кандидат в депутаты или избирательное объединение. Когда в отношении последних нарушались информационные гарантии, то им просто не предоставлялось бесплатное время в эфире. И мы защищали кандидатов в их спорах с телерадиокомпаниями, независимо от того, являлись ли они коммунистами или социал-демократами, или принадлежали к «Выбору России». В этом смысле мы были голосом общественности, общественной совести и защищали интересы общества...

«ОНС» В результате этой избирательной кампании Президент, установивший такой порядок, как бы «сыграл в свои ворота», если вспомнить, что лидером телеэкрана был господин Жириновский... В связи с этим не считаете ли вы, что предоставление эфира практически любому, у кого есть на это деньги, не очень-то справедливо?

А. В. Прежде чем ответить на ваш вопрос, хочу добавить еще несколько слов насчет независимости. В США члены Верховного суда тоже назначаются Президентом, и тем не менее Верховный суд не раз выносил решения против Президента. И мы, когда возник вопрос, можно ли критиковать проект Конституции, тоже заняли самостоятельную позицию, отнюдь не проправительственную и даже не пропрезидентскую. Мы считали, что такая критика вполне допустима, но она не должна выходить за определенные рамки, т. е. не скатываться к проповеди войны, национальной и расовой ненависти и т. д.

Что касается Жириновского и предоставления ему эфирного времени, тут сложилась такая ситуация. Оказались неготовыми к свободным плюралистическим выборам вообще все наши средства массовой информации, все журналисты. И это исторически объяснимо: многие просчеты, о которых я сейчас скажу, были связаны именно с незнанием, с неготовностью и неумением, а не с каким-то злым умыслом. О чем идет речь конкретно? Телевидение предоставляло время за плату для выступления любому кандидату в депутаты или

избирательному объединению. И это время могли «купить» все избирательные объединения: они же получили по 50 млн рублей специально для проведения избирательной кампании!

«ОНС» Но были сообщения, что Жириновский на это потратил целый миллиард!

А. В. Ну, это, возможно, преувеличено. Он, кстати, сам говорил о том, что остался должен 200 миллионов... Следующее положение. Телерадиокомпании могли предоставлять платное время сверх бесплатного, которое лимитировалось (платное, кстати, тоже лимитировалось), по договору. Это значит, что в договоре, заключаемом участником избирательной кампании, допустим, с телевидением, надо было оговаривать все условия: не только стоимость платного времени, но и то, как оно будет использоваться: предвыборные дебаты или «круглые столы», будет или нет участвовать ведущий, каковы права ведущего... А все договоры сводились только к тому, сколько времени предоставляется и сколько оно стоит. И члены Третьейского информационного суда специально ездили в телерадиокомпанию, беседовали с их руководителями, разъясняли журналистам, что договор должен содержать иные положения, например оговаривать право проведения дебатов и тому подобных форм предвыборной борьбы. Именно для этого предоставлялось платное время. Но на это не шли. Ведущий имел право обязать участника дебатов, кандидата в депутаты ответить на вопросы телезрителей. Например, когда Жириновский выступал со своими шокирующими заявлениями и прожектами, ведущий — по закону, по положению об информационных гарантиях — мог его остановить и потребовать разъяснения: как собирается кандидат воплощать свои планы? Однако журналисты проявили беспомощность и неготовность использовать свои права.

Когда мы предлагали разнообразить формы предвыборных выступлений, например проводить теледебаты, обе стороны отказывались. Когда мы задавали вопрос: почему у вас на экране от имени ЛДПР постоянно вещает одно и то же лицо, а где же другие представители этой партии? — вразумительного ответа мы не получали. То же самое происходило, когда мы спрашивали, почему ведущие допускают разжигание с экрана социальной и национальной розни, ведут разговоры о национальном превосходстве и реванше, откровенное натравливание одних национальностей и групп населения на другие? Почему ведущие не вмешиваются? Ответом было молчание. Не знали, не умели, не были уверены в своих силах — вот причина. Те немногие попытки отдельных журналистов подискутировать, которые все же имели место, выглядели не очень убедительно, а порой даже жалко.

А что касается экранного времени — у меня есть графики, из которых видно, что у всех избирательных объединений оно было одним и тем же. Лишь объединение «Будущее России—новые имена» вообще отказалось использовать свое платное время, потому что первые же их попытки выступлений провалились. Однако, скажем, и у «Выбора России», и у партии Жириновского были, как ни парадоксально, равные возможности. Правда, некоторым партиям это время почему-то предоставлялось в кредит, а с других требовали предоплату,— но это уже дело, в котором следует разобраться Центризбиркому.

«ОНС» А Третьейский информационный суд мог по своей инициативе одернуть кандидата в депутаты за пропаганду национальной ненависти и подобные противоправные выступления?

А. В. Не только мог, но и делал это! Мы же вынесли такое решение по поводу выступлений лидеров ЛДПР и ДПР 8 декабря! Мы неоднократно предупреждали и Говорухина, и Жириновского, и Невзорова о том, что нельзя вести избирательную кампанию подобными методами. И обратите внимание, что, возбудив уголов-

ное дело в отношении Жириновского, Генеральная прокуратура приобщила к материалам дела именно наше решение о недопустимости такого рода предвыборной агитации, которая ведет к пропаганде войны и национальной розни и требует, по нашему мнению, уголовно-правовой оценки. Я хочу подчеркнуть, что именно Третейский информационный суд был тем органом, который первым обратил на это внимание, об этом вынес решение и направил материалы в Генеральную прокуратуру. И Генеральная прокуратура, которая, конечно, и до того присматривалась к подобным выступлениям, использовала авторитетное решение Третейского информационного суда как одно из оснований для возбуждения уголовного дела.

«ОНС» Интересный опыт накопился у вас за два месяца. А в связи с Жириновским вы, наверное, войдете в историю, если учесть, что речь идет о фигуре достаточно одиозной, которую долгое время многие не принимали всерьез. Вы считаете ее серьезной, видите в ней опасность?

А. В. Да, конечно, но не столько опасной, сколько серьезной. И мы первыми сказали, что г-н Жириновский — фигура серьезная, что это не клоунада и не просто шутовство, а целый социальный феномен, к которому надо относиться серьезно. И мы даже сказали, как именно надо к нему относиться, передав материалы в Генеральную прокуратуру.

«ОНС» Раз уж речь зашла об этом, трудно обойти вопрос, прямо не относящийся к теме нашего интервью, однако волнующий всех. Если, как мы выяснили, у Жириновского не было преимуществ в доступе к СМИ, то чем вы объясните его успех на выборах? Неужели в нашей стране действительно такая значительная социальная база для «жириновщины»?

А. В. Это большой вопрос, требующий анализа и избирательной кампании, и политической ситуации в нашей стране. С моей точки зрения, здесь два крупнейших фактора.

Первый: если взглянуть на историю последних десятилетий, можно заметить, что для наших лидеров главными всегда были вопросы экономики, а все остальные стороны жизни — духовные, политические, культурные, так называемая «надстройка» — были вторичными, производными и поэтому не заслуживали основного внимания. Главное — поправим экономику, а все остальное, мол, изменится автоматически вслед за ней. Этот экономический детерминизм — болезнь, которую я бы назвал экономическим кретинизмом, вульгаризацией марксистских положений о базисе и надстройке. Думаю, что крупным просчетом прошлых реформаторских правительств, в том числе и правительства Б. Гайдара, являлась занятая ими позиция экономического детерминизма.

А г-н Жириновский ушел от этой схемы, принял иную стратегию в своей предвыборной кампании, старался ответить на реальные чаяния людей, существующие помимо мечты о куске колбасы. Он вел разговор не только и не столько об экономике, сколько о проблемах духовной жизни, возрождения государства, защиты достоинства людей, играл на их национальных чувствах. Он предлагал способы разрешения межнациональных конфликтов вне традиционной схемы (мол, создадим зерновой рынок — и все само собой уладится), причем предлагал простые решения. Он говорил простым языком и обращался к простым, не очень сведущим в экономике людям, каковой и является основная масса избирателей. Он затрагивал вопросы, о которых не говорили его конкуренты, — в этом субъективная сторона дела.

Второй фактор — более глубинный. Да, есть у нас в стране определенная социальная база, определенный слой людей, привыкших искать простые решения, простые ответы на сложнейшие вопросы. Для них характерно тоталитарное мыш-

«барина», который «приедет и рассудит». И эта непростая социальная ситуация, да еще на фоне трудно проходящих реформ, тоже способствовала успеху Жириновского.

Я не согласен с теми, кто говорит, что его успех — результат каких-то преимуществ в использовании средств массовой информации. Возможности, повторяю, у всех были равны. Может быть, то, что этому человеку дали говорить,— это и есть показатель свободного, плюралистического характера выборов. И никто не мешал другим лидерам и избирательным объединениям использовать свои возможности с такой же эффективностью. Так же как никто не мешал журналистам полемизировать компетентно и квалифицированно.

«ОНС» Странно, что большинство избирательных объединений и кандидатов в депутаты свели предвыборную борьбу к спорам вокруг экономики. Ведь те социокультурные проблемы, о которых вы говорили, давно уже в центре внимания и научной общественности, и научной печати. И на те вопросы, которые поднял Жириновский, существуют ответы более цивилизованные... Однако наука и политика у нас мало соприкасаются.

А. В. Для этого тоже есть несколько причин. Первая: и правительство, и политических деятелей, и общественное сознание в первую очередь захлестывают экономические беды — неплатежи, падение производства, невыплата зарплаты, инфляция — все не перечислить. И, конечно, решить их чиновники пытаются традиционными, привычными средствами. Иначе они не умеют. Они, на мой взгляд, не видят самой главной, глубинной связи между экономикой и духовной жизнью общества.

Самый важный рынок, который, с моей точки зрения, сейчас надо было бы развивать,— это рынок образовательных услуг. Мы страшно отстаем в сфере образования, и если даже сейчас как-то залатают дыры, все равно через несколько лет мы больно ощутим результаты этого отставания. Проблему надо решать кардинально и вкладывать большие средства в образование, в науку, каким бы бессмысленным это ни выглядело в глазах прагматиков-хозяйственников. Неумение увидеть и верно оценить глубинные, коренные проблемы развития общества приводит к тому, что на первый план выходят вопросы тоже острые, но сиюминутные. Конечно, надо и зарплату выплачивать, и индексацию проводить, но нельзя при этом забывать общую, стратегическую линию.

Вторая причина состоит в том, что культурологический подход, учет действия этнополитических, исторических традиций требуют от нынешних политиков иной компетенции, иной культуры и иного профессионализма. Всему этому надо учиться; ведь всех нас учили одинаково и, в основном, тем методам, которые хороши были в прежней, административной системе...

«ОНС»... Но, в отличие от прошлых лет, этим сейчас никто не занимается. Вспомните тысячу раз обруганную систему прежней политечебы: ею же вся страна была охвачена. Пусть это было массовое оболванивание, но теперь видно, как оно было по-своему хорошо организовано и насколько, в общем-то, выполняло свою роль.

А. В. Вот именно. И, кстати, ведь та система при всех ее пороках способствовала общению людей. Сейчас это ушло и как способ воспитания единомыслия, и как способ общения, а другого неформального общения, в котором могли бы обсуждаться в том числе и многие вопросы культурологического и духовного плана, нет, как нет понимания, что, не решив этих вопросов, мы не сможем решить и проблем экономики.

И последнее — о журналистике. Все-таки эти коренные, глубинные вопросы мало и плохо освещаются нашей прессой. В своих лекциях студентам я не раз

нас есть четвертая власть. Однако в глубине души считал, что это не более чем метафора. Но Третейский информационный суд убедил меня, что власть эта — реальная, не эфемерная. У нее могут быть разные цели: и поддержка государственных структур, и воздействие на общественные отношения, и защита собственных интересов. Но поскольку это власть, постольку многие ее представители — чиновники, чиновники от информации. Как бы обидно это ни прозвучало, они не всегда творческие работники и зачастую довольно поверхностны. Иногда так и хочется воскликнуть: братцы, ведь кроме того, чтобы писать, неплохо бы хоть что-нибудь и самим почитать! Работая в Третейском информационном суде, я порой сталкивался с ужасающим непрофессионализмом, даже с невежеством представителей прессы. Вот вам еще один из корней экономического кретинизма.

«ОНС» Анатолий Борисович, какое из дел, рассмотренных Третейским информационным судом, запомнилось вам как самое яркое?

А. В. Таких было несколько. В первую очередь, много волнений принесло известное заявление В. Шумейко о том, чтобы снять с регистрации те избирательные объединения и тех кандидатов в депутаты, которые критикуют проект Конституции. Ясно, что это было совершенно непродуманное заявление, оно принесло много вреда. Но членам суда потребовалось мужество, чтобы сказать «нет» и воспротивиться этому. Решение о том, что допускается критиковать проект Конституции — разумеется, конструктивно и в цивилизованных рамках, — запомнилось прежде всего.

Я бы назвал также не очень известную историю, связанную с Московской телерадиокомпанией. Она вдруг отказалась предоставлять эфир кандидатам в депутаты (причем избирательно), мотивируя это тем, что в хозяйственном отношении компания эта якобы не государственная. Мы сумели доказать обратное и обеспечить доступ к эфиру участникам избирательной кампании. Московская телерадиокомпания даже жаловалась на нас Президенту (это была единственная жалоба на решение Третейского информационного суда), но не получила поддержки. С юридической точки зрения это было очень интересное дело, потому что сугубо хозяйственные вопросы в нем тесно переплетались с политическими.

Кстати, в ближайшие месяцы мы готовимся издать сборник «Третейский информационный суд и первые свободные выборы». В нем будут содержаться вся нормативно-правовая база, все решения нашего суда, некоторые жалобы и комментарии. Думаю, эти материалы представят интерес и для юристов, и для политиков, и для журналистов.

«ОНС» Выборы прошли, Третейский информационный суд сыграл в предвыборной кампании свою роль, и вот теперь он продолжает свое существование уже в ином качестве. Чем вызвана необходимость создания Судебной палаты по информационным спорам?

А. В. Она связана с демократическими преобразованиями, которые осуществляются в России. Может быть, наиболее значительное продвижение к демократии происходит именно в информационной сфере.

Четвертая власть реально функционирует. Значит, во-первых, надо обеспечить ее функционирование, обеспечить свободу средств массовой информации, защитить журналистов от необоснованных претензий к ним.

Во-вторых, эта власть сама должна действовать в правовых рамках, в рамках закона. Отсюда необходимость отслеживать соблюдение положений Закона о СМИ, этических норм в этой сфере, обеспечивать интересы политического плюрализма, защищать нравственные интересы юношества и детства, обеспечивать исправление ошибок, имеющих общественное значение, следить за объективно-

Видимо, эти требования и обусловили создание такого дополнительного органа при Президенте, который бы обеспечивал реализацию ст. 29 Конституции — права граждан на свободу информации.

В связи с этим необходимо отметить одно важное обстоятельство. Принято говорить (вслед за Монтескье) о трех властях — законодательной, исполнительной, судебной. Теперь мы добавляем к ней четвертую — прессу. Но у нас есть и пятая власть — президентская, власть главы государства, власть гаранта Конституции по части обеспечения прав и свобод граждан. Это самостоятельная власть, она не входит ни в законодательную, ни в исполнительную, ни в судебную. А это значит, что Президенту, для того чтобы быть главой государства и гарантом конституционных прав, необходимо иметь соответствующие вспомогательные органы, иначе говоря, свою администрацию.

Сейчас у нас на глазах возникает совершенно новая институциональная система власти: при Президенте создаются Комиссия по помилованию, Комитет по политике информатизации, Совет по правовой информации, Аудиторская комиссия и др. Что это — субъективный процесс захвата власти или расширения полномочий Президента? Ничего подобного! Это — объективные условия президентской республики.

Мы всегда подчеркивали, что в президентской республике власть распределяется между Президентом и парламентом, Президентом и правительством. Но оказывается, что президентская республика объективно еще должна иметь и определенную иерархию, свою специфическую администрацию, обслуживающую выполнение Президентом функций главы государства.

И поскольку информационные права граждан, свобода информации — одна из важнейших сфер деятельности Президента, именно в этой сфере и возникают новые государственные органы, к числу которых относится и Судебная палата по информационным спорам.

Хочу подчеркнуть, что наша палата не является частью федеральной системы судебных органов России именно потому, что в ее компетенцию входит рассмотрение таких споров, которые закон не относит прямо к компетенции обычных судов.

«ОНС» Вы не являетесь судом в обычном смысле, а что вы будете делать, если потребуется применение каких-либо санкций?

А. В. Предусмотрен целый набор таких санкций. Мы можем выносить замечания журналистам или должностным лицам, предупреждения средствам массовой информации о возможном прекращении их деятельности в установленном законом порядке, о привлечении к ответственности должностных лиц в случае нарушения ими прав граждан на получение информации. Специально оговорены случаи вмешательства Судебной палаты, когда должностные лица, обязанные предоставить журналистам бесплатную информацию, берут за это плату.

«ОНС» А всегда ли они обязаны делать это бесплатно? По ТВ были сообщения, что от иностранных корреспондентов требовали заплатить за интервью, причем в долларах, некоторые чиновники из силовых министерств и даже люди из команды, отвечавшей за безопасность Президента!

А. В. Так вот, по закону им это запрещено. Абсолютно всем! Общественно значимую информацию все они обязаны предоставлять журналистам бесплатно. Мы будем следить, чтобы закон соблюдался и в этой части, а если нам станет известно о нарушениях, то соответствующие материалы будем передавать в прокуратуру.

По мере продвижения к информационному обществу все большее значение начнут приобретать особые, информационные санкции. Это новое явление для

каких-то неблагоприятных действий того или иного лица или органа. В развитых информационных обществах, где высоко ценятся такие понятия, как престиж, доброе имя, доверие к источнику информации, огласить — значит опозорить, поставить под вопрос нравственный имидж, а порой и карьеру. «Проштрафившегося» бойкотируют — не хотят с ним общаться, отказываются получать у него информацию, он теряет работу.

Правда, у нас порой скандальность как раз привлекает к себе интерес; иному, как говорится, плюнь в глаза — он скажет «божья роса». Однако я уверен: рано или поздно названные ценности и у нас будут стоять на должной высоте, а значит, информационные санкции станут одними из самых действенных.

© А. Венгеров, Т. Ильина, 1994